

КАТИ БЕЯЗ



МИСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

16+

Кати Беяз

Мистические рассказы

«Автор»

2022

Кати Беяз

Мистические рассказы / Кати Беяз — «Автор», 2022

В сборник входят как самостоятельные рассказы, так и главы из уже существующих произведений и еще не написанных романов. Адвективный туман (мистический рассказ из сборника новелл "Маяк" от издательства Перископ-Волга) Волот (рассказ, мистика) 90 часов (рассказ, мистический реализм) Шизофрения (отрывок из опубликованного романа "Все, что от тебя осталось", вошедший как рассказ в антологию ужасов от издательства Перископ-Волга, хоррор) Сон Клавдии (рассказ из сборника, посвященного 130 летию М.Булгакова от издательства Перископ-Волга) Запах серы (рассказ из книги "Мемуары ведьмы 3", эзотерика/мистика) Аркан Дьявола (любовный рассказ, мистика) Особняк в Сафрон Уэлден (мистика/ужасы) Стёкла (отрывок из романа "Все, что от тебя осталось 2", который находится в процессе написания, ужасы/хоррор) Три с половиной Парсека (мистико-фантастический рассказ, вошедший в лонг-лист Кубка Брэдбери) Люси (мистический рассказ)

© Кати Беяз, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Адвективный туман	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Волот	16
90 часов	24
Шизофрения	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кати Беяз

Мистические рассказы

Адвективный туман

Глава 1

Леонид не спешил ставить яхту против ветра и выпускать паруса. Пятнадцать минут назад он отчалил с Кольского полуострова в путешествие по Баренцеву морю и намеревался заснять живописный берег в лучах заката.

Выходить в ночь рискованно, но Леонид Кириллов всегда спал лучше в тесной каюте, чем в собственной спальне. Да, да, тот самый Кириллов – путешественник, фотограф и доктор естественных наук.

Когда горизонт раскалился до розового и очертания берега приобрели таинственный иссиня-черный оттенок, близ острого мыса в спокойных водах гавани появились блестящие плиты. Кириллов подплыл ближе и заглушил мотор. Такие гладкие, словно выросшие из-под воды кристаллы. Столь правильной формы и впечатляющей динамики – Леонид почувствовал себя первопроходцем на другой планете. Затаив дыхание, он нажимал кнопку профессионального Никона, ловя причудливые волны, омывающие мыс Кекурский.

Тихий вечер. Обычно здесь бушевала заполярная природа во всей своей красе. Редкие лучики солнца пробивались сквозь завесу свинцовых туч, подчеркивая враждебный рельеф скалистых берегов. В такие дни Баренцево море затапливает свои берега, делая перемещение по суши невозможным.

Кириллов опустил камеру, созерцая красоту графитовых плит. Он до последнего отказывался ставить на парусную яхту дизельный мотор.

– Это противоестественно! – твердил он.

Но теперь было бы противоестественным не суметь подплыть к этим скалам, не иметь возможности уравновесить судно и сделать с сотню потрясающих снимков. Ко всему прочему, сразу после установки мотора, Леонид в полной мере оценил легкость вхождения в гавань по узкому извилистому фарватеру, забыв о лавировании против встречного ветра. Он забыл даже о той безысходности, когда паруса безвольно повисают, а курс безудержно сбивает сильное течение.

Чуть выше на мысе заблестел маяк Немецкий. Черный исполин, нагоняющий драмы и без того суровым видам.

Ветер усиливался, толкая яхту на острые камни. Леонид завел мотор и отошел от берега в темные воды взволновавшегося моря. Кириллов заглушил мотор, поставил Химеру в левертук, зафиксировал руль и перебежал на грот. При помощи лебедки он медленно выпустил белоснежный парус. Лишь только послышался громкий хлопок, яхту начало сильно кренить. Леонид метнулся к штурвалу и по направлению к корме словил ветер. Он вновь зафиксировал руль и подскочил к стаксель-шкоту. После подъема стакеля Леонид задал Химере курс и спустился в кубрик.

Его любимая комната озарилась приглушенным светом настенных светильников. Плетеный ковер монгольских рукоделов добавлял этому месту колорита. Здесь было все необходимое не только для путешествия по морю, но и для повседневной жизни, что, к слову, для Кириллова не имело никаких различий.

Мягкий угловой диван – небольшой, но уютный. За ним душевая кабина, по другую сторону длинная столешница кухни и ящики для продуктов. Под мойкой холодильник и мини

бар. За кубриком узкая каюта с еще более узкой кроватью и крюки для одежды. Рядом тесный клозет с крошечным окошком.

Леонид щелкнул полупрозрачный свитчер электрического чайника и умыл лицо. Крепкий чай и овсяное печенье согрели холодную свежесть сумерек. Еще немного и если повезет начнутся «пляски духов». Здесь, на севере, каждая вторая ночь не проходит без полярного сияния. Кириллов спустился в кубрик и заварил еще кружку чая. Бутерброд с сухой как деревяшка вяленой колбасой и свежим огурцом распахся на всю яхту.

«Аппетит в море отменный», – подметил Леонид и присел на кокпит.

С появлением первой звезды на угасающем зареве его сердце радостно затрепетало.

«То ли еще будет», – капитан подмигнул небу, нетерпеливо, словно школьник, дожидаясь темноты, чтоб сверить курс по звездам.

Он совершил на Химере кругосветное путешествие, он месяцами жил в океане, он знает о звездном небе все. Конечно, у него есть компас. Да что у него, у одной Химеры их целых три, не считая спутниковой навигации. Но дело совсем не в этом. Кириллов, воображая себя древним мореплавателем, порой доверялся природе гораздо больше, чем технике.

«Почему?» – спросите вы. Ученый вряд ли ответит. Но слишком часто на его веку бывало так, что даже самые надежные приборы на большой воде выходили из строя. Стрелки компасов крутились как сумасшедшие, радио шипело, улавливая вместо наземных сигналов странные глубинные звуки, а мотор, полный горючего, никак не заводился.

И что бы не случилось с Химерой, главным ориентиром для Леонида в ночном небе всегда оставалась Полярная звезда. Она единственная не путешествует по небосводу и всегда указывает строго на север, отклоняясь в течение ночи всего на полтора градуса. Это, конечно, существенно для профессионального мореходства, но для заблудшего в море – хватит. Да, вон она, – последняя в ручке ковши Малой Медведицы. Большую Медведицу видно сразу, а вот Малую порой весьма сложно обнаружить. Найдите две звезды (Дубхе и Мерак) – стенки ковша Большой Медведицы и мысленно продлите эту линию. Отложите на ней 5 раз расстояние между Дубхе и Мерак и упретесь взором прямо в Полярную звезду. Если Большой Медведицы не видать, тогда на помощь приходит созвездие с романтическим названием Кассиопея. Оно отличается хорошей видимостью на фоне Млечного Пути и напоминает букву «М». Если найти центральную звезду, то следующая от нее сияющая точка слева проложит прямой путь вниз до яркой Полярной звезды. Когда она обнаружена, определить стороны света остается делом техники. Справа будет восток, слева – запад, а за спиной юг.

Немного сложнее дела обстоят с южным полушарием, ведь на нем Полярная звезда не видна. Здесь на помощь приходит Южный Крест, который всегда указывает на юг. Главное не спутать его с Ложным Крестом, звезды которого не такие яркие и расположены чуть дальше друг от друга. На помощь к распознаванию Южного Креста приходят две звезды слева от него. Они же помогают в точном ориентировании: если мысленно провести между ними линию и из ее центра опустить перпендикуляр – тот укажет строго на Южный Полус.

Этих познаний хватило б с лихвой любому путешественнику, но Леонид пошел дальше. Он изучил, как мигрируют созвездия исходя из времени суток и времени года. Кириллов знал не по наслышке, что в полночь на юге можно увидеть созвездие Большого и Малого Пса, но только в январе, только в январе. В марте там же можно созерцать Льва, в мае – Волопаса, в ноябре – Тельца, а в декабре – сам Орион. Кроме того он знал, что Млечный Путь каждую ночь зажигается четырьмя сотнями миллиардов звезд и простирается с юга на север. Но это лишь после полуночи, а сейчас Леонид Кириллов с воодушевлением созерцал ярко-зеленое свечение, что отражалось в бурных водах Баренцева моря и по праву называлось Северным Сиянием. А еще «плясками духов», «Авророй Бореалис» и самым приближенным к правде названием «солнечный ветер».

И все же «пляски духов» Леониду нравилось больше. Абсолютно неосязаемое и полностью завораживающее чудо природы – нужна лишь атмосфера и мощная звезда подобно Солнцу. Кириллов снова фантазировал – он на другой планете, ведь полярное сияние довольно распространенное явление. Оно есть на Юпитере и Сатурне, а так же на Уране и Нептуне. И это только в нашей солнечной системе... А как же там? В необозримой Вселенной?

Леонид сделал глоток чая и с трудом оторвал взор от неба. Извилистый берег совсем скрылся из вида, черная вода безнадежно быстро слилась с черным небом.

Каждый яхтсмен хотя бы раз в своей жизни слышал вопрос: «что вы делаете в море ночью?» Часто для людей далеких от морских путешествий становится неожиданностью, что яхтинг испокон веков был круглосуточным занятием.

Традиционно, переходы всегда были ночными и планировались так, чтобы подход к берегу осуществился на рассвете, для идентификации огней и подтверждения положения яхты. Тогда шкипер мог с легкостью войти в порт при дневном свете.

На сегодняшний день с помощью GPS, габаритных огней для фиксации положения и оснащением судна AIS, вероятность столкновения судов практически близка к нулю. Теперь, с автопилотом и всеми системами безопасности, Леонид даже может безмятежно спать.

Он проверил курс – строго на северо-запад – и всмотрелся в горизонт. Десять минут после наступления темноты, чтобы глаза привыкли к отсутствию источников света и пару часов, чтоб стали различать дальше носа Химеры. На горизонте что-то показалась. Леонид прищурился и подошел к корме. Серая стена мглы ползала со стороны норвежского Славбарда.

– Адвективный туман, – зашептал Леонид, словно белый гигант был способен его услышать.

Однажды, всего однажды Кириллов пережил подобное явление. И если вы спросите, страшно ли это. Кириллов безмолвно качнет головой.

Такой туман не окутывает пространство постепенно и не разносится ветром. Он словно живой организм надвигается на судно десятиметровой стеной, впрочем, как такой же стеной и заканчивается. А что там? Только бог знает. Там другой мир и совсем другие законы.

Теперь поспать Леониду вряд ли удастся – душ, крепкий кофе и снова на вахту.

Кириллов сбегал вниз и припал к радио. Возможно, кто-то из судов знает протяженность спустившихся на землю облаков?

– Прием, прием!

Радио зашипело, но вскоре раздался прерывистый ответ.

– Грузовое судно Биток на связи.

– Парусная яхта Химера, держу курс строго на северо-запад. Впереди адвективный туман. Какова протяженность?

– Тумана не видим, идем полным ходом на запад. Отключаю канал.

– Прием, прием! – Леонид переключился на другую линию.

Радио зашипело, а круглый иллюминатор заволокло белой мглой.

– Вошел, – тихо подытожил Кириллов. – Прием, прием... – отчаянно звал он, но по радио больше никто не ответил.

Ничего не поделать! Пока недалеко отплыл – в душ и кофе.

Леонид спешно снял одежду и заскочил в холодную кабину из рифленого триплекса. Вода нагревалась постепенно, но контрастный душ помог ему взбодриться. Кириллов подставил голову под воду и та заструилась по спутанным ветром волосам, унося с собою тяжесть этого дня. Внезапно по салону кто-то прошел.

Кириллов протер глаза и застыл. Показалось? Но как такое может показаться? Темный силуэт проплыл от лестницы через весь кубрик прямо в каюту.

«Кто-то пришвартовался к Химере! Без предупреждения на такое способны только пираты...»

Волна страха пробежала от макушки до самых пят. Леонид выключил воду, тихо открыл дверь и подвязался полотенцем. Он пробежал к лестнице и закрыл на замок люк. Отсоединил от стены небольшой ручной огнетушитель и тихими шагами направился к двери, ведущей в укромное спальное место.

Глава 2

«Никого!» – Леонид толкнул хлипкую дверь. – «Возможно в гальюне?»

Он вновь поднял огненно-красный баллон.

Дверь громко брякнула, отскочила от стены и шлепнула Леонида по носу. Но даже за столь краткосрочное ее открытие он хорошо разглядел – клозет тоже пуст.

– И тут никого... – пробурчал он и прильнул к иллюминаторам.

Не увидев, ровным счетом, ничего кроме тумана, Кириллов оделся, отворил люк и осторожно поднялся наверх. Фонарь озарил совершенно пустую палубу, а когда Леонид осмотрел по периметру релинг, то понял – вторжения не было.

Он выдохнул. Сначала ему полегчало. Но после Кириллов не на шутку озадачился – тогда кого он, черт возьми, видел?

Силуэт, лишь темный силуэт... Игра ли это воображения? Леонид вновь спустился в кубрик – на этот раз спустился словно в гости, а не к себе домой. Он осмотрелся, прикрепил на место огнетушитель, еще раз заглянул в каюту и клозет, а затем попятился к кухонной столешнице.

– Никого! – он повторил для себя вслух и снял со стены резную кофеварку.

Черная жижга пузырилась, норовя перелиться за тонкую медную стенку. Леонид поднял турку и опрокинул бодрящий напиток в любимую кружку. Железная с деревянной ручкой – она повидала многое и была ему дорога, как талисман. Кириллов попытал счастья у радио, но, не поймав ни единого канала, набросил утепленную куртку и вышел на палубу.

Ночи здесь холодные даже посреди весны. Зимой же лучше на паруснике по Баренцеву не ходить. Леонид проверил штурвал и навигатор – вокруг в радиусе ста миль ни единого судна.

«Такое редкость!» – причмокнул он и отпил ароматный кофе.

Он пригнулся под мачтой и вышел на нос – море полностью заволокло беспроглядной мглой. Туманы на воде не редкость, но не подобной плотности... Леонид вытянул руку. Разумеется, он не надеялся что-то нащупать – впереди лишь холодный насыщенный влагой воздух. Возможно, Кириллов хотел лишь поздороваться, когда его пальцев коснулось нечто слизкое.

От шока он сразу выронил кружку, но не сразу одернул руку – тем временем ладонь проникла в нечто невидимое, но осязаемое, напоминающее желе.

Кружка ударилась о нос, подскочила, расплескав кофе, и канула за борт.

В любой другой ситуации он был бы опечален столь важной потерей, но сейчас Леонид безмолвно пятился, бегло осматривая странный туман. Внизу раздались звуки. Кириллов, наконец, оторвал взгляд от облака и повернулся к люку кубрика – мгновение назад там что-то упало.

«Упало...» – отозвалось в мыслях.

Далекому от мореплавания человеку это покажется более чем нормальным, ведь путешествие сопровождается постоянной качкой. Но только не яхтсмену. В кабине любого судна все на фиксаторах, все на крюках. У каждой вещи есть отведенное ей место, снабженное зажимами, резинками, ремнями. Здесь все привинчено, зажато в тиски, привязано лебедкой. Леонид осторожно приоткрыл люк – пусто, ни души. Хотя, куда правильнее было бы сказать на английский манер – nobody – возможно, как раз, заблудшая душа вне тела пришла навестить одинокого путешественника.

Он сделал шаг вниз и осмотрел помещение. Кухонные принадлежности аккуратно висят на крючках, радио, запасные снасти, книги, мореходные карты – как и всегда разложены по сетчатым карманам. Яхту накренило, и из-под лестницы выкатился огнетушитель.

Леонид облегченно выдохнул.

«Ведь сам же не закрепил как следует», – он вытер вспотевший, несмотря на холодную погоду, лоб.

Вопреки планам, Кириллов снова выскочил на палубу, отключил автопилот, опустил паруса и закорился.

«Спать, спать... Так нельзя – мозгу нужен отдых!»

Далеко не каждый известный путешественник расскажет вам какой ценой достигаются победы. Океаны и горы безумно красивы, но мало кто знает, что их покорение грозит безумием. Что ж, видимо в этом мире у всего есть своя цена.

На экстремальных высотах альпинисты подвержены психическому расстройству, которое простирается далеко за грани реальности. Симптомы включают галлюцинации и потерю ориентации на местности. К примеру, когда альпинист Джереми Виндзор поднимался на Эверест в 2008 году, он испытал странный опыт. На высоте более 8,2 км Виндзор увидел человека по имени Джимми, который сопровождал его весь день. Джимми говорил ободряющие фразы, давал профессиональные советы и даже предсказывал погоду. А когда Виндзор добрался до вершины, его спутник бесследно исчез.

Это не единичный случай, просто о подобной цене покорения Эвереста не принято рассказывать в СМИ. Все между собой, все в тесном кругу покорителей природы.

Медики считают, что такие эпизоды являются симптомами горной и морской болезней, которая сопровождается головными болями, головокружением и нарушением равновесия. Болезнь возникает из-за нехватки кислорода на больших высотах и в следствии нарушений вестибулярного аппарата. Участь альпинистов не сильно отличается от участи мореплавателей. Большая вода сводит сума не хуже гор.

Известный мореплаватель и географ Генри Гудзон, чьим именем названы залив в Канаде, река и пролив, проходя мимо Новой Земли, собственноручно записал в судовом журнале: «Сегодня утром один из моей команды, выглянув за борт, заметил русалку. Тогда он стал звать остальных и пришел еще один. Русалка между тем подплыла к кораблю совсем близко и внимательно разглядывала их. Немного погодя, волна ее опрокинула. От пупка и выше ее спина и грудь были, как у женщины... у нее была очень белая кожа, длинные черные волосы свисали назад; нижняя часть ее тела завершается хвостом, как у морской свиньи или дельфина, но блестящим, как у макрели. Имена матросов, которые ее видели, Томас Хилс и Роберт Райнар. Дата: 15 июня 1608 г.»

В двадцатом веке говорить о русалках перестали, а нынче и подавно. Но моряки неустанно видят их и посреди ночи слышат их тихие песни. Помимо русалок они видят парусные регаты восемнадцатого века, что появляются миражом на горизонте и исчезают в никуда. Однажды в 2003 году грузовое судно, пересекавшее Атлантику, встретилось с непонятным явлением. В холодных водах далеко за полночь им мерещились полные людей шлюпки. Те были странно одеты в старинных спасательных жилетах. Шлюпки видела вся команда, и кто-то, нарушив гробовую тишину, отрешенно произнес: «это пассажиры самого Титаника». Помимо прошлого, кажется, море хранит секреты будущего. Слишком часто в докладах шкипера числится отчет о блестящих объектах, что вылетают из разбушевавшихся вод и беззвучно взмывают выше облаков.

Однако чаще всего моряки слышат странный звук, исходящий из океанских глубин. Этот звук пробирает до дрожи, он пугает и одновременно завораживает. Он звучит так, словно сам океан разверз бездонные воды и всей своей мощью заговорил посреди ночи.

Леонид Кириллов три раза слышал этот землеутробный стон. Сначала он неизменно завораживал доктора естественных наук, но однажды не на шутку напугал. Леонид сделал шаг вперед, приблизился к черным водам и внезапно почувствовал непреодолимую тягу. Такую сильную, такую естественную – словно океан звал его. Звал, чтоб поглотить, чтобы забрать Леонида и навсегда с ним слиться.

После того случая Кириллов не выходил в море долгих шесть месяцев. И вот, он снова в экспедиции, снова спешит к таинственным берегам острова Медвежий.

Мозг нуждается в отдыхе гораздо больше тела – это Леонид успел усвоить, исколесив без малого весь свет.

Он обозначил в навигаторе место стоянки, включил дополнительный сигнал для локации и спустился в кубрик.

«Радио? Не надо! Мало ли что можно в таком состоянии услышать... Сон, сон, сон!»

Кириллов закупорил люк, проверил иллюминаторы и вошел в каюту. Твердая кровать аскета, приглушенный свет и убаюкивающий плеск воды о корму. Леонид медленно погружался в сон. В помутненном дремотой рассудке ясно отчеканились тяжелые шаги – кто-то ходил по палубе. Путешественник открыл глаза и прислушался.

Шаг, еще шаг. Словно тяжелые рыбацкие сапоги.

– Да что за чертовщина... – почти беззвучно произнес он и поднялся на локтях. – Нееет, на этот раз ты меня не выманишь! – Леонид поднял голову, внимая каждому звуку.

Он схватил подушку, и накрыл ею голову – звуки пропали. Теперь не было ни плеска волн ни странных шагов.

– Так-то лучше... – он вновь закрыл глаза и теперь уже всерьез провалился в сон.

Леонид Кириллов летел над черной водой. Его окутывал туман. Туман поддерживал его и что-то нашептывал. Он бы хотел разгадать этот шепот, но слова слились воедино. А из единого вскоре вновь распались на множество – множество встревоженных голосов.

«Леонид... Леонид...» – это, пожалуй, то небольшое, что Кириллов понял.

Стук в дверь. Отчетливый, кулаком.

Кириллов открыл глаза и посмотрел на часы. Казалось только прилег, а два часа пролетело.

– Кто там? – крикнул он.

Из кубрика не донеслось ни слова. Разумеется, он же на яхте один. Просто показалось! Как и шаги, как темный силуэт и так же, как странный слизкий туман.

Леонид подложил под голову подушку и перевернулся на спину. Он снова хотел закрыть тяжелые веки, но взгляд привлек круглый плафон. Старинный со ржавчиной, где рифленое стекло зафиксировано сеткой из металлических прутьев. По спине прошла ледяная волна ужаса. Не сказать, что плафон пугал Кириллова, но его присутствие на потолке каюты однозначно пугало. Такие разве что на подлодках, но никак не на парусной яхте, никак не на Химере.

Леонид тяжело задышал и поднял вспотевшую голову. Белая пластиковая дверь сменилась на железную, оснащенную колесом кремальеры. На стене крюки с серой рабочей одеждой и эротический календарь за 1961 год.

Глава 3

Леонид опустил ноги, и шерстяные носки мигом впитали влагу.

«Вода!» – кто-то истошно крикнул в его голове. – «На выход!»

Кириллов подскочил и ринулся к выходу. Он понятия не имел куда крутить, расположенный посередине двери, маховик, но отчаянно крутил влево. В какой-то момент дверь выдохнула, а из зазора хлынула вода.

– Ах, ты ж... твою ж... – Леонид отскочил от двери. – Эй, помогите! Эй, кто там? Помогите!

В левый борт что-то гремяще вломилось. Старое железо издало мощный стон, заглушивший сирену. Кириллов потерял равновесие и плюхнулся в воду, которой за считанные секунды набралось по колено.

Он очнулся на полу своей каюты. Тут же вскочил на руки, словно собирался отжаться.

«Сухо!» – все еще не веря глазам, он осматривал пол. – «Приснилось!»

Он сел на кровать и отдышался. Рука болела – та на которую, по всей видимости, приземлился, когда упал с кровати!

Три часа ночи – проверил Кириллов, с опаской отворил дверь каюты и вышел в кубрик. Тихо, спокойно – все как всегда. Прислушался, подняв голову к низкому потолку. Чуть слышно воет ветер, играя с мачтой, и мирно плещут волны, разбиваясь о борт.

Леонид набросил куртку и поднялся наверх. Промозглый холод тут же обжег щеки. Он подошел к штурвалу и включил монитор – навигатор вновь не показал ни единого судна, словно Химера дрейфовала не в море, а в космосе.

Кириллов нахмурился.

– Да как же такое может быть?

«Хотя, с другой стороны, Биток явно передал на материк его сообщение об адвективном тумане. А с материка уже связалась с остальными. Кто сменил курс, кто-то просто не вышел в море. Обычная практика, и не надо искать странностей, где их нет – так и до психушки недалеко...»

Кириллов поднял голову. В этот час небо озаряется брильянтовой россыпью Млечного Пути. Но сейчас, как и пять часов назад, все обозримое пространство окутала белая мгла. Да, жаль. Ясные ночи севера необычайно красивы.

Если бы у Леонида Кириллова была возможность выбрать нашей галактике имя, он бы назвал ее Дорогой Вечности. На Млечный Путь из моря подолгу взирали путешественники прошлых веков. Им восхищались со времен древних цивилизаций! Дорога Вечности существовала даже тогда, когда с Земли на нее еще никто не смотрел, кроме бескрайнего океана, коим наша планета была до начала времен. Он бы вполне мог просидеть так до рассвета, если б не этот чертов туман.

Стук. В правую корму пришелся одиночный стук.

Кириллов вновь напрягся.

– Эй, что там за шутки? – он выпрямился, стараясь заглянуть за борт.

Три быстрых стука посадили Леонида на место. Три стука неспешных и вновь три быстрых, подряд.

– SOS... Это сигнал SOS, – прошептал ученый. – И кто-то выбивает его по борту Химеры...

Похолодевшие руки лишились сил.

– Я не могу вам помочь, – неожиданно сам для себя заговорил Леонид.

Три быстрых стука, три неспешных, три быстрых.

– Слышите, – прокашлялся он, словно боялся, что взаправду услышат. – Дело давнишнее, никто вам уже не поможет! Покойтесь с миром...

Он вырос здесь, на севере. Он только по истории родного края помнит – под толщей ила Баренцево море хранит четыре затонувших подлодки. Каждая унесла с собой экипаж от 70 до 130 человек и страшную тайну своей гибели. Во время великой отечественной тут подорвалась на немецкой мине крейсерная подводная лодка «Катюша», в 61-м по неизвестным причинам затонуло дизельное подводное судно, через 39 лет всем печально известный «Курск», а в 2003 снова тонет К-159.

Бродят ли вместе с туманом их души, неустанно моля о помощи? Или все это шутки сознания? Фокусы мозга? Ведь Кириллову все прекрасно известно. У Баренцева моря от Леонида нет тайн.

Три быстрых стука, три медленных, три быстрых.

– Уходите, – он обхватил голову большими ладонями, – слышите, уходите!

Духи послушались. Духи стихли.

Натуралист выдохнул в пол и, не поднимая головы, скрылся в кубрик.

«В преддверьи полярного дня рассветы здесь ранние, еще часок и просветлеет...»

Он лег на диван и двумя хлопками взбил подлокотник. Леонид осмотрел комнату и закрыл глаза. Минута-другая и зашипел приемник.

– Прием, прием...

Встревоженный мужской голос звал на волне для бедствий.

Кириллов вскочил и прильнул к радио.

– Прием, прием, Химера на связи. Координаты 69 градуса 20 минут северной широты и 33 градуса 45 минут восточной долготы.

– Что у вас случилось? – спросил совсем молодой голос.

– Случилось? Здесь адвективный туман вокруг. Хотел предупредить.

– Адвективный туман? – задумался связной. – По координатам мы совсем рядом и на поверхности нет признаков тумана. Так что у вас случилось? Вы прислали сигнал SOS...

– Я? Я прислал? Нет, нет... – затараторил Кириллов. – Вы путаете и сигнал и координаты. От меня в ста милях нет судов.

– Откуда вы знаете?

– Откуда, откуда... Джи Пи Эс так показывает.

– Что показывает? Повторите!

– Ну, Джи Пи Эс...

Радио зашипело, а голос пропал.

– Прием, прием...

– Класс вашего судна, связной! К чьей флотилии относитесь? Вы военный корабль?

– Что? Нет, нет... – оторопел Леонид. – У меня парусная яхта с дизельным мотором.

– Откуда у вас на парусной яхте радар на сто миль?

– О боже... – Кириллов опустил руку с приемником.

– Связной, военно разведывательный корабль второго ранга министерства обороны СССР требует внятного ответа. Ваши координаты, к какому типу относится судно, какой стране принадлежит...?

Леонид глубоко задышал. Он молча массировал висок, пока связной военного корабля из далекого прошлого угрожал стрельбой на поражение.

– Послушай, сынок, – вдруг опомнился путешественник. – Какой сейчас год?

Парень молчал.

– Шестидесят первый, ведь так? – Леонид вспомнил календарь на стене.

Ответа не было...

– Шестидесятый?

– Так точно...

– Господи, вас столько еще помрет... Молодых, еще толком не живших... – на глаза навернулись соленые, как это море, слезы. – Запиши в судовой журнал, слышишь? Парень запиши! 27 января 1961 года дизельная подлодка С-80, 12 августа 2000-го – атомная подводная лодка «Курск», 30 августа 2003 года – К-159... Все они затонут, весь экипаж погибнет. Слышишь? Слышишь меня?

Радио молчало.

– Связной! Слышишь? Ответь же... – Леонид тер до красна лоб, смахивая проступающие слезы.

В иллюминаторе показалась кромка воды. Кириллов отпустил приемник и тяжелыми шагами поднялся на палубу.

Светало. Туман зловещей стеной уходил на восток. Леонид подошел к навигатору – на экране точками обозначилось два крупных судна, а внизу снова зашипело радио. Путешественник бежал, сбивая ноги.

– Связной, слышишь меня? – закричал Леонид.

– Торговое судно Биток на связи. У вас все в порядке?

В широкой груди Леонида образовался душный ком. Некоторое время он физически не мог говорить. Кириллова душили слезы и невыносимая боль – где-то там глубоко в груди, где древние считали живет наша душа.

– Прием, прием, ответьте! Вы в порядке?

– Я? – захохотал Леонид. – Я ли в порядке?

Связной с торгового судна Биток явно слышал истерику, но долго не решался говорить.

– Эй, Химера... Могу связаться с землей...

Леонид молчал, вытирая все проступающие слезы.

– Я в порядке... – хрипло отозвался Кириллов. – Парусная яхта Химера через час снимается с якоря и идет по заданному курсу до острова Медвежий.

– Попутного ветра!

Леонид еще долго сидел на полу кубрика, крепко сжимая приемник. Он вышел на палубу и вдохнул утреннюю свежесть моря. Кириллов поднял якорь, выпустил парус, словил встречный ветер и выставил курс. Он пошел на всех парусах по синей воде. Воде, хранящей свои страшные тайны. Тайны вечности.

Алексей Степанов отошел от приборов.

– Товарищ старший офицер, прошу меня сменить, – связной выпрямился и отдал честь.

– В чем дело?

– На связи безымянное судно. Не уверен, что принял информацию верно, – чуть замешкавшись, но все же без особых эмоций доложил Алексей.

– Что ж, хорошо... – озадачился ответственный по рубке.

Степанов вошел в огромный кубрик с рядами двухъярусных кроватей. Одна из них – его. Но прежде, чем забраться под серое солдатское одеяло, он подошел к железной раковине и умыл лицо. Тусклое зеркало с облупившемся по краю серебром показало совсем молодого парня. Светлые слишком коротко состриженные волосы и большие голубые глаза. Моряк выглядел потерянным. Он все смотрел в свое отражение и торопливо моргал. Он никому не рассказал о странном разговоре. Он ничего не записал в бортовой журнал.

Десять месяцев спустя он ушел со службы без объяснения причин, когда 27 января 1961-го года сбылось первое пророчество. Первое, но не последнее. Пророчество со странной парусной яхты, что видела суда по средствам неизвестной Степанову техники под названием Джи Пи Эс.

О подобных историях не принято рассказывать в СМИ. Такие истории передаются в узком кругу путешественников. Передаются под крепкий напиток далеко за полночь и исключительно из уст в уста.

Волот

Беззаботная юность.

Каждое утро начинается с чистых мыслей, словно с белого холста, который уже к обеду полон ярких красок и полуденного солнца.

Загорелое лицо Марины обдувал ветер от быстрой езды на велосипеде. Она мчала на своём двухколёсном по чуть знакомому приморскому городу. За две недели лета ей удалось изучить лишь несколько кварталов, но не весь город. Когда Марина отсюда уедет, то будет знать почти весь центр. А сейчас она летит на встречу к другу и, обогнув людный базар, ныряет во дворы заросших акацией пятиэтажек.

– Будь в пределах двора! И как только стемнеет – домой! Слышишь меня?

Дверь хлопнула. Марина услышала бабушку, но и не думала слушаться. Она приехала сюда из Питера не для того, чтобы её снова ограничивали в передвижениях. Сюда не ходи, а туда даже не думай ездить. Это же маленький город, здесь все друг друга знают, ну что может случиться?

– Смотрела Крым 1? – Лёша даже не поздоровался.

«Научить бы этих провинциалов манерам...»

– Нет, а что там? – Марина остановила велосипед около низкой скамейки.

– В городе орудует маньяк, – таинственным голосом произнёс мальчишка.

– Прекрати! Ты ведь не веришь во всё это?

– Не верить в маньяков? – Лёша повёл бровью.

– Очень походит на предлог, чтобы сорвать наш план...

– Маринка, нет же... – засмутился Алексей. – Я хочу в поход, но разве тебе самой не страшно? Парней это отродье не трогает, нападает исключительно на представительниц прекрасного пола.

– Ну а вы с Валиком тогда зачем нужны? Будете охранять меня и Оксану.

– Маринка, он с ножом ходит!

– Господи, ну и мы нож возьмём! На пикник, как-никак...

Алексей нервно вздохнул и покосился на подругу. Если бы только это была не Марина Коновалова, а какая другая девчонка, парень отказал бы не раздумывая. Но её он ждал всю осень, а потом зиму и долгую весну. Исправно писал письма раз в две недели и раз в месяц получал ответ. Когда он видел в почтовом ящике заветный конверт из Питера, его сердце начинало биться сильнее, а дыхание учащалось. В апреле она написала, что приедет в конце весны. А в мае написала, что будет в городе в середине июня. И вот она здесь. Хочет взять друзей и поехать на гору. Там в лесу разжечь костёр и устроить пикник. Возможно, под покровом ночи удастся признаться ей в своих чувствах, а если повезёт, поцеловать. О каком маньяке может идти речь, если на кону первая любовь!

Лёша толкнул педаль, и Марина спешно оттолкнулась от скамейки – ещё не хватало, чтоб он её обогнал на своём стареньком «аисте». Они пересекли сквер и выехали к обнесённой коричневым забором школе. Здесь работали старшеклассники, перекрашивая бетонные панели в странный зелёный цвет.

– Привет! – Марина резко затормозила и спустила на землю ноги.

– Привет, – воюя с растрёпанными космами пшеничных волос, отозвалась Оксана.

– Долго ещё? – Девушка нетерпеливо осмотрела длинный забор, примыкающий к облупившемуся зданию спортзала.

– До той стены – и мы свободны, а что?

– Как что? Сегодня в поход!

– Ты что, не слышала о маньяке?

– Господи... – протянула Марина и театрально закатила глаза.

– Нашли изуродованное тело, – зашептала Оксана, – всё в тонких порезах. Выглядят как царапины, но слишком глубокие, чтоб ими быть. Психопат орудует то ли лезвием, то ли скальпелем...

Марину передёрнуло. Она не понаслышке знала о возможностях скальпеля – в семье медработников затупившимися экземплярами резали каменную сыровяленую колбасу, словно это был мягкий голландский сыр.

– Зачем тебе вообще туда надо? – услышав разговор, подтянулся Валентин. – Как с поезда сошла, только и разговоры о походе!

Он взмахнул широкой кистью, чуть не обдав девчонок каплями зелёной краски.

– Да, признавайся уже! – подначивала Оксана.

– Ладно... – выдохнула девушка и, оглядевшись, зашептала. – Там были одни ребята из Питера...

– Где? На горе? – тут же перебил Валентин.

– Да, – с видом секретного агента продолжала Коновалова. – Видели там эти сферы белые?

– На Тепе-Оба, что ли? – недоверчиво хмурился Валик. – Это же феодосийская обсерватория!

– Да? А чего же она тогда долгое время не была отмечена на картах? Обнесена колючей проволокой и закрыта для посещений?

Ребята переглянулись.

– Это сейчас она обсерватория, а раньше была секретной базой... – таинственным голосом продолжала Марина. – Как и посёлок Приморский и Орджоникидзе – это всё секретные военные объекты! Там, – она качнула головой на юго-запад, – вся гора изрыта подземными ходами. В земле подо мхом люди находят железные люки без опознавательных знаков. Наверху два купола, а внизу – пространства секретных лабораторий! У меня есть координаты одного из спусков, что ведёт прямо туда, где до сих пор проводятся опыты!

– Какие ещё опыты? – заговорил Алексей.

Казалось, его прежний романтизм как рукой сняло.

– Какие, какие... – вздохнула Марина. – Опыты над людьми!

Её глаза странно заблестели, и всем стало ясно, что похода сегодня не избежать.

Ребята купили в продовольственном сосисок и буханку чёрного хлеба. Захватили кваса, минеральной воды, а ещё газеты и спички, и отправились в путь.

Увенчанная телевизионными башнями, над городом возвышалась, словно миниатюрная Фудзияма, Лысая гора. От неё иссиня-чёрной грядой шла плотно заросшая низкой сосной Тепе-Оба. Здесь змеей вилял серпантин перевала, а у подножия рядами металлочерепичных крыш расположились дачные кооперативы. Асфальтированная дорога круто взмыла вверх, а её обочины украсили кусты шиповника. Низкое солнце пробивалось из-за пышных сосновых лап, одновременно слепя и согревая последними лучами. Каждое утро оно кровавым диском просыпается в Чёрном море, но засыпает неизменно за этими горами. После знойного дня здесь вечерами выпускает ароматную смолу сосна и раскрывается ночная гвоздика. Ребята слезли с велосипедов и продолжили восхождение пешком. В траве застрекотала саранча, а воздух наполнился вечерней свежестью и комарами.

– Похоже, нам сюда. – Марина положила на дорогу велосипед и достала из кармана сложенный вчетверо тетрадный лист.

Здесь от асфальтового покрытия отходила узкая тропа. Она вела на лишённую наклона поляну, и все четверо с надеждой взглянули в листок.

– Сухое дерево по левую руку, – произнесла Коновалова.

И Лёша тут же расправил ладонь, указывая на обломавшийся сухостой.

– На поляне должно быть озеро!

Все двинулись вправо и, обойдя колючие кустарники, вышли к небольшому водоёму.

– Это здесь! Всё сходится! – подпрыгнула Марина.

– Какое оно красивое! – Оксана отпустила велосипед и подбежала к кромке стоячей воды.

– Поэтому и комаров валом, – недовольно забурчал Валентин, хлопая по сторевшей на солнце шее.

– Теперь куда? – Алексей осмотрел утопающий в сумерках лес.

– Туда! Третий ряд и восемнадцатая сосна от орешника.

– Неужели нельзя вкопать в землю указатель или оставить валун со стрелкой? – возмутилась Оксана.

– Люди оставляют, только наутро все указатели исчезают, словно их никогда и не было! – размахивала листком в воздухе Марина, призывая друзей следовать за ней.

Вскоре поляна сменилась лесом, а под ногами захрустел ковёр из сухих иголок. Эти низкие сосны и вправду росли рядами, словно кто-то намеренно высадил лес подобно овощным грядкам. Сумеречная синева опускалась на гору. В преддверии ночи стихла вся живность. И даже назойливые цикады отчего-то замолкли. Под скрип сухой хвои Марина отсчитала восемнадцатый ствол и припала к земле. Она принялась поднимать слой за слоем, и ребята, лишь на мгновение замешкавшись, бросились ей помогать. Уже очень скоро ровным кругом под ногами зачернела земля.

– Да где же он? – негодовала Марина.

– Может, надо копать глубже? – предположил Лёша, и тут же получил пинок от Валентина.

– Кажется, мы расчистили отличное место для костра, – напористо заявил парень, не собираясь более заниматься поисками секретных военных объектов.

– Но я не понимаю! – уставилась в листок Марина. – Там было дерево, потом озеро, потом сосны! Где же люк?

– Видимо, он стал так популярен среди туристов, что его закопали, – предположила Оксана.

– А ты ведь права! В Питере только и разговоров про эти ходы...

– Ну вот и отлично! – взбодрился Валик. – Теперь можно спокойно насобирать веток и развести огонь.

Огонь приятно потрескивал, озаряя ели оранжевым светом. Сосиски на палках подрумянились, когда над лесом взошла полная луна.

– Вы здесь живёте, и никогда не слышали про опыты над людьми? – не унималась Марина.

– Ну хватит уже! – воскликнула доселе полная терпимости Оксана.

В стороне раздался одиночный треск. Ребята замерли и переглянулись.

– Вы слышали? – решил уточнить Лёша.

– Это животные, – тут же отозвался Валик.

– Какие ещё животные? – закрутила головой Оксана.

– Собаки, кто здесь ещё может быть...

Звук повторился с другой стороны.

– И много их тут? – напряжённо спросила Марина.

– Кого? – Валентин всё смотрел в сторону, стараясь хоть что-то различить в темноте.

– Хм, – недовольно хмыкнула Марина и подула на сосиску.

– Так что за опыты? – словно не желая сидеть в тишине, спросил Алексей.

– Ну, разные... – Коновалова успела набить едой рот. – Делают из людей мутантов! Вырачивают монстров...

– Выращивают? – недоверчиво скривился Валик, прищёпнув очередного комара на шее.

Спустя мгновение ветки захрустели звучней. Ребята замолкли.

– Нет, там кто-то определённо ходит... – констатировала Марина.

Где-то вдали пронёсся ревущий мотоцикл. Все выдохнули, успокоившись звуком цивилизации.

– И что, кто-то видел тут монстров? – Валик вновь насадил еду на длинную палку и поднёс к огню.

– Видеть – не видели! Но слышали крик. И был он не животный и не человеческий...

– Кричат лишь те, у кого есть голосовые связки! – подмигнул Валентин. – А это либо животное, либо человек. Что по своей биологической сути одно и то же.

Пара веток треснула совсем близко, так, словно на них кто-то ступал.

– Черт, да кто там? – Лёша не выдержал и встал с бревна.

– Я же говорила, не надо было идти... – срываясь на хрип, зашептала Оксана.

– Да погоди ты. – Марина схватила подругу за плечо. – Если не отвечает, значит, зверь...

– Психопаты тоже не отвечают... – Та держалась из последних сил, чтобы не заплакать.

Хруст повторился, и ребята синхронно повернули головы к соснам выше по склону.

– Он ходит кругами, – запинаясь, произнёс Алексей.

– И наблюдает за нами, – добавила Оксана, уставившись стеклянным взглядом на пламя.

– Ты тоже это чувствуешь? – повернулась Марина.

– И я чувствую... – отрешённо произнёс Лёша.

– Так, успокоились! Ещё паники тут не хватало, – строго оборвал Валентин. – Словно в лесу никогда не бывали. Вот мы ходили с палатками на гору Клементьева, там ночью такую дискотеку живность устраивает...

Шагах в пяти затряслась сосна и снова захрустел вереск.

– Господи... – после минутной паузы вполголоса протянула Марина.

– Быстро тушим костёр, а то ни черта не видно! – скомандовал Валик. – Сидим тут как в аквариуме...

Все принялись дружно засыпать землёй огонь. Вскоре тлеющие угли разбились подошвами Лёшиных кед, и поляна погрузилась в темноту. Никто не издавал ни звука – казалось, ребята даже не дышали, всматриваясь в ряды чёрных стволов.

– Может, показалось? – тихо обронила Марина.

– Всем четверым? – срывался Валентин.

Коновалова сглотнула. Чуть правее снова затрещали палки. К ним добавился скрип сосновых веток и чьё-то тяжёлое дыхание. В паре метров от поляны стояло нечто живое. Огромного роста – он доставал почти до макушек трёхметровых южных сосен. Всё тело казалось непроглядно чёрным, и в этой черноте невозможно было различить не только одежду, но даже открытые участки кожи. Всего на миг шокированный мозг мог принять создание за нечто неживое – игру света и тени, причудливое дерево или чью-то неудачную шутку. Но всё это до того, как существо пошевелилось.

Он отодвинул ветку и сделал шаг, который породил уже знакомый уху хруст.

– Бежим... – процедил Алексей и первым сорвался с места.

За ним побежала Оксана, а за Оксаной Валентин.

Ребята приблизились к озеру, где остались их велосипеды. И лишь тогда они заметили, что Марины с ними нет. Она всё ещё стояла там, среди сосен. Оцепеневшая от страха, Коновалова не могла сдвинуться с места. Чудовище подошло и возвысилось над ней.

– Марина, беги! Беги! Слышишь? Марина! – наперебой кричали друзья, но никто не решался идти ей на помощь.

– Чёрт бы вас всех побрал, – внезапно выпалил Валентин, остановил секундный взгляд на друге и сорвался с места.

Он добежал до первого ряда сосен и затормозил. По поляне пронеслась череда диких грудных сипов. В следующее мгновение у Валентина в руках мелькнула увесистая дубина. Парень неуклюже махал ею, едва удерживая своё громоздкое орудие.

Когда истошные крики Валентина стихли, все услышали хруст веток – великан уходил в глубь леса.

Оксана отпустила велосипед и побежала к ребятам.

– Ты как? Цела? Что он тебе сделал? – шептал Валентин, стоя на коленях перед Мариной.

Она всё ещё сидела, опершись на дрожащие руки. Её глаза почти не моргали, а взгляд так и застыл где-то у вершин чёрных сосен.

– Он тронул тебя? – присела Оксана.

– Н-нет, не т-трон-нул. – Девчонку било ознобом.

– Вставай, надо уходить. – Валик помог Марине подняться.

Спешным шагом трое вышли к озеру, где их ожидал Алексей. Марина лишь на секунду посмотрела ему в глаза. Парень не выдержал и отвернулся.

В полной тишине они подняли велосипеды и не оглядываясь зашагали домой. Луна ярким прожектором освещала тропу, сухое дерево и асфальтированную дорогу.

– Ты видела его лицо? – наконец решилась заговорить Оксана.

Валентин, что шёл впереди, резко обернулся и замедлил ход.

– У него не было лица... – подавленно ответила Марина.

– Как? Совсем?

– Посреди чёрной шерсти лишь пара глаз – словно два тлеющих угля.

По рукам Оксаны пробежали мурашки, и она торопливо растёрла плечи.

– Жуть какая...

– Но мы его видели! Все четверо! – довольно громко заговорил Валентин. – Мы стали свидетелями существования монстра! Ведь так, Алексей? Или ты ничего не видел, поэтому не спешил на помощь?

– Отстань! – не поворачиваясь, кинул Лёша, и глаза Марины заблестели от слёз.

– Не обращай внимания, он просто трус! – успокаивала Оксана.

– Я не трус! – оскалился парень. – Просто это... Это за гранью нашего понимания! Никто из нас не знает, на что это существо способно!

– Вот именно. – Оксана поравнялась с ним. – Никто не знает, на что оно способно! Поэтому надо держаться вместе и помогать друг другу!

– У всех разная реакция на шок, – отмахнулся Алексей от напора подруги. – И я не виноват, что реакция моего организма – ступор! Меня нельзя винить за это...

– Но и похвалить тебя за это тоже сложно...

– Чего пристала ко мне? Иди к своей подруге и спроси её, почему она не побежала вместе с нами, а осталась там стоять как вкопанная!

– Трус! – бросила Оксана и повернулась к Валентину.

Она перевела взгляд с его лица на дорогу и остановилась.

Позади них на середине дороги лежал велосипед Марины.

Высокая трава била по лицу. Руки безвольно повисли, собирая грязь и ссадины. Марина открыла глаза. Её подбросили мохнатые лапы, и вот она уже высоко над землёй вдыхает смрад собачьей шерсти.

Голова налилась свинцом, а к горлу подкатил душный ком. Коновалова даже затуманенным рассудком поняла, что её несут на плече, словно лесную добычу. Она постаралась шевельнуться, но хватка усилилась, вмиг сдавив ноги. От мощного тела шёл дьявольский жар, от движений под покрытой густой шерстью кожей ходили мышцы, а в нос бил невыносимый смрад.

Лоб прошиб холодный пот, а тело неприятно закололо миллионом иголок. Как же так получилось, что бесстрашно ища приключений, она угодила в лапы монстра? Быть может, это просто сон? Такого не могло с ней случиться. Просто не могло произойти! И это ещё не конец. Это только начало. Наверняка он не убьёт её сразу. Будет больно, очень больно, а после всех мыслимых и немыслимых истязаний, возможно, наступит покой. Покой для Марины, но не для её семьи. С момента её смерти начнётся их путь бесконечных страданий. Пуще всякого монстра её родители будут мучить себя вопросами, на которые не найдётся ответа. Зачем их дочь пошла ночью в лес? Почему отстала на дороге? Теперь они будут до конца жизни ненавидеть её друзей, на которых этот случай, безусловно, оставит отпечаток. А бабушка? Она, скорее всего, после новостей о кончине внучки составит Марине компанию на том свете.

Но это всё в будущем. От единой мысли о котором кровь стынет в жилах. А ведь Коновалова рисовала себе совсем другое. Но другое у неё теперь вряд ли будет. Главное, умереть быстро! Вырваться из бrenного тела и улететь. Как можно дальше от боли, жестокости и насилия.

Земля покрылась одиночными скалами. Их неровная поверхность заблестела в свете луны, словно лист мятой фольги. Туда, куда зверь тащит её, сложно добраться человеку. Марина поджала руки и постаралась осмотреться. Высоко! Много камней, редкие сосны и низкий туман, что так часто опускается на горы с наступлением ночи. Как страшно. И как же хочется кричать, но кричать ещё страшнее.

Чудовище остановилось. Его тяжёлое дыхание стало отчётливей без надоедливового хруста от мощных шагов. По телу Марины расплзся страх, когда существо опустило её на землю. Холодный камень коснулся щеки, и Коновалова закрыла лицо руками.

«Сейчас будет больно...»

Перед глазами возникли порезы. Тонкие и глубокие. Когда скальпель касается плоти, ранения не избежать. Этот предмет настолько острый, что кровь начинает сочиться лишь спустя некоторое время. Но все эти рассказы – лишь попытка объяснить необъяснимое. Теперь кристально ясно, что вместо ножевых ранений на телах жертв оставались следы его когтей.

Монстр не спешил с расправой, когда Марина услышала чей-то тихий плач. Возможно, это её собственный, а сознание раздвоилось?

Девчонка потёрла щёки – те оказались сухими, но плач продолжался. Лишь спустя время Марина отважилась поднять голову. Перед ней чернел вход в пещеру. Сотрясаясь всем телом, Коновалова осмотрела склон – существа вокруг не было. Наверняка он там. В пещере. Вершит свою кровавую расправу.

Коновалова как можно тише принялась сползать по камням. В её сердце зародилась надежда на спасение. Правая нога спустилась по скользкому склону и нащупала мягкую почву. Левая поспешила за ней. Марина застыла на крошечном уступе, опершись о тонкую сосну. Из пещеры всё ещё доносился тихий плач. Где бы ни находился сейчас монстр, его жертва всё ещё жива!

Воображение рисовало встревоженный взгляд матери, её глаза, полные слёз. Коновалова задрожала всем телом, и тонкая сосна захрустела, переняв эту дрожь.

– Кто там? Помогите мне! – взмолился голос из пещеры.

– Эх, – звучно выдохнула Марина.

Она могла бы точно так же молить о спасении. Несомненно, это выбор каждого – приходить на помощь или остаться в стороне. Но если хочешь быть однажды спасённым, надо уметь спасать. Да, именно уметь, ведь если не сумеешь, то так и продолжишь жить с разъедающей трусостью внутри.

Повернувшись к камням, Марина уцепилась за валун и подтянулась. Кроссовки скользили, руки безвольно цеплялись за сухую траву.

– Прошу, помогите...

Слабый голос резал душу, словно острый нож. Что, если она в крови? Что, если придётся увидеть изуродованную плоть? Получеловека, полуфоршмак, который всё ещё способен говорить. Ведь хотеть помочь вовсе не значит суметь.

«Была не была...»

Марина сделала последний рывок и, оттолкнувшись от сосны, выползла на камни. При виде пещеры всё внутри сжалось. Дыхание стало прерывистым. Свежесть ночи не спасала, лёгкие словно не впускали в тело достаточно воздуха, чтобы оно прекратило страдать одышкой.

Зажигалка... В кармане зажигалка. Ну кто из питерских не пробовал курить в пятнадцать лет?

Коновалова подобралась к зловещей дыре, зияющей в камне, и закрутила зубчатое колесо. Пальцы дрожали, не имея сил запустить тугую систему зажигания. Наконец появилось долгожданное пламя, и Марина шагнула в темноту. У стены сидела девчонка, зажав окровавленными ладонями почерневшее бедро.

– Там фонарь... – простонала она. – Где-то на земле фонарь.

Пригнувшись к земле, Коновалова принялась исследовать метр за метром. У противоположной стены зажелтела удлинённая рукоятка походного фонарика. Марина схватила его и нащупала выключатель. Она резко обернулась, озаряя лучом арку пещеры. Всё ещё никого!

Искусственный свет задрожал, подбираясь к раненой.

– Ты как? – Марина нерешительно приблизилась. – Я Марина... А ты?

– Лена...

– Идти сможешь?

– Он напал из-за угла... – тяжело дыша, произнесла Лена. – Порезал бедро, чтоб не убежала, и повёз куда-то на мотоцикле...

– На мотоцикле? – скривилась Коновалова. – А как же чудовище?

– Какое чудовище? Это был человек! Когда он притащил меня сюда, то оступился. Я слышала, как он упал и потерял фонарь. Всё погрузилась в темноту, а я отползла к стене...

Марина медленно перевела луч света в глубь пещеры. Вокруг валялись куски одежды и вырванные пряди девичьих волос. Чуть в стороне в одной из высохших багровых луж блеснул тонкий скальпель. Свет проник дальше, озарив клетку в человеческий рост, на дне которой лежал человек.

– Это он! Это он! – срываясь на хрип, повторяла Лена.

Тотчас вскочив, Марина подбежала к жуткому творению. Под ногой зазвенела связка ключей. От резкого звука мужчина шевельнулся и застонал. Коновалова принялась в спешке перебирать один за другим ключи, подбирая нужный к навесному замку. Наконец клетка защёлкнулась, и Марина отбежала от металлических прутьев, озаряя лицо маньяка.

Тот схватился за окровавленную голову и скорчился от боли.

– Вставай, пойдём!

Спрятав ключи, Марина засунула фонарь в задний карман и помогла Лене подняться. Они спустились по склону и пересекли хвойный лес. Порой Коновалова слышала хруст веток и даже видела чёрный силуэт, что сопровождал их. Но теперь она совсем не боялась.

Наконец девочки вышли к дороге. Ниже тропы, ведущей к озеру, деревья озарились проблесковыми маячками милицейского уазика. Перед машиной лежал Маринин велосипед. Над ним склонились оперативники.

– Это был Волот!

Бабушка открыла сервант и достала бутылку кем-то давным-давно подаренного коньяка.

– О чём ты говоришь? – недоверчиво покосилась Марина.

– Волот – дух леса и гор. Он охраняет свои владения от человеческого произвола и жестокости. Согласно славянской мифологии, – бабушка наполнила миниатюрную рюмку янтарной жидкостью, – это героические великаны, способные вырывать с корнем деревья и двигать горы.

– Он что, там живёт? На этой горе? Так вот откуда все эти легенды?

– Волоты не живут в мире людей, они приходят тогда, когда в их владениях творятся жуткие вещи. Они появляются лишь тогда, когда человек становится намного хуже зверя.

Комната погрузилась в тишину.

– Мы все видели его... Все четверо... Там, на поляне... – Марина задумчиво повернулась к окну.

– Что ж, возможно, Волот пришёл не напугать вас, а позвать на помощь...

90 часов

Рассказ основан на реальных событиях, произошедших в октябре 2020-го на берегах Эгейского моря в Турции.

Персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

(12 Сентября 2018 года)

– Фатих Бэй*! Чаю? – сорвался с места Серджан Коркмаз.

– Не откажусь!

Пузатый работник коммунально-жилищного фонда города Измир снял с пухлой кисти барсетку и опустился на стул.

Хозяин магазина вонзился суровым взглядом в худощавого паренька у прилавка и резко махнул рукой. Того снесло ветром в подсобку, откуда тут же раздался звон стеклянных стаканчиков.

– Как поживаете, Фатих Бей? Как ваша красавица жена Гизем? Малышка Мелис и сорванец Али? – расплылся в улыбке еще секунду назад хмурый Серджан.

– Все в полном здравии, слава Аллаху, – перебирая пальцами четки, ответил гость.

– Слава Аллаху! – наигранно вознес руки к небу Серджан.

Из подсобки появился все тот же тощий парень с подносом. Звеня чайными стаканчиками с миниатюрными ложечками, он, заплетаясь, подбежал к столу. Фатих сверил юнца надменным взглядом и отвернулся к окну.

– Лукум, лукум неси и орехи... – шипел на нерадивого помощника Серджан.

Тот снова скрылся из вида.

– Абла* привела своего старшего, вот приучаю к работе, – оправдывался хозяин магазина. – Фатих Бэй, ты ж помнишь моего соседа?

– Тот, что чебуреки делал?

– Тот самый, Фатих Бэй, тот самый! Развел там крыс у себя, они ко мне прогрызать ходы стали. Мешки с сахаром, мукой испортили...

У стола вновь появился парень с подносом и двумя пиалами.

– Так вот, испортили мне макароны, орехи.. .

Рука остановилась над пиалой с фисташками.

– Орехи, слава Аллаху, не тронули, – осекся Серджан.

Фатих недовольно чмокнул и переключился на восточные сладости.

– Разумеется, у наивного паренька не получилось. Ведь эта улица, она же десятилетиями обслуживает жителей нашего района. Вон там чайная Мустафы, а там Селим семитджи*, да и Эмре свою мастерскую перенял от прадеда, – указательный палец Серджана взмыл в воздух. – А мой магазин уж сколько лет продуктами высочайшего качества обеспечивает. Из других районов ко мне приезжают, потому что доверяют Серджану! И детишки после школы забегают, и старики мимо не проходят. Тружусь с утра до ночи людям на благо...

Недалеко послышалась переливистая песнь из мечети, оба затихли.

– Молишься?

– Молюсь, Фатих Бэй, молюсь утром и вечером. А днем за меня жена моя и мать молятся, я ведь работаю. Весь день здесь.

– Так чего ты хочешь Серджан?

– Хочу выкупить соседнее помещение. Расшириться хочу, – от волнения руки предпринимателя тронул мелкий тремор. – Вон там будут свежие овощи и фрукты, там мясо, вон там

рыбный сделаю, в том углу сладости и сухофрукты. Поставлю столики нашим дедам на радость, подавать турецкий кофе буду и чай.

Фатих не поленился повернуться и осмотреть огромную стену, что разделяла магазин Серджана от некогда действующей чебуречной.

– Купить ты можешь, но тут стена!

– Я знаю, знаю, Фатих Бэй, – не поворачивался Серджан.

Он слишком хорошо знал эту стену и слишком сильно ненавидел ее, чтоб лишний раз смотреть.

– Ты только представь, сколько места будет, если стену эту убрать, Фатих Бэй!

– Не мне тебе объяснять, Серджан, есть стены, которые не убрать...

– Тут целых пять стен, – развел руками турок. – Если одну убрать, останется еще четыре! Собеседник лишь недовольно причмокнул.

– Можно уйти и не вернуться, прийти и не увидеть*, – хозяин магазина махнул помощнику.

Тот влетел в подсобку и вынес к прилавку небольшую спортивную сумку.

– Вот продуктов вам собрал. Для красавицы жены вашей, для детишек и разумеется для вас!

Фатих вновь обвел взглядом несущую стену многоэтажного дома и остановил взгляд на черной спортивной сумке. Мгновение спустя он махнул головой в сторону припаркованного автомобиля и нажал на ключе разблокировку. Черный джип подмигнул, когда паренек сорвался с места и, открыв багажник, поставил на дно сумку.

– Давать, ничего не получая взамен, подобает только Аллаху*, – Фатих глотком опустошил фигуристый стаканчик.

– Согласен! Совершенно согласен! – залепетал довольный Серджан.

(30 октября 2020 года)

– Сэма! Сэма! – кричала с балкона Айше. – Сэма!

Все казалось напрасным. Девчонка была увлечена беседой с друзьями.

– Алла-алла*... Чтоб тебе Аллах открыл уши, которые Шайтан наглухо закрыл, – недовольно бурчала Айше. – Сэма! Это она так болеет! Все, чтоб только в школу не идти!

Наконец, старшая дочь повернулась.

– Иди к Серджану и попроси муки и десяток яиц в долг до вечера! Отец придет и заплатит.

– Сейчас? – развела руками дочь.

– Сейчас, сейчас! Бёрек из чего готовить? Быстро ступай! – мать сурово погрозила пальцем.

Женщина зашла с балкона в дом и, вытерев со лба проступивший пот, посмотрела на малышку Айду. Та сидела на полу, уставившись большими серыми глазами в телевизор. Светлые кудряшки обрамляли загоревшее лицо. Редкое сочетание, если учесть, что отец Айды с востока страны и цвет его кожи никогда не терял насыщенного коричневого оттенка. Да и сама Айше – обладательница серых глаз и копны почти черных волос. Малышка казалась чудом, ангелом, что Аллах послал им с небес за праведную жизнь, намаз и ежегодный рамадан.

– На балкон ни шагу, – наказала Айше, поправила платок и прошла в кухню. – Октябрь, а такая жара, – вздохнула она, нагнувшись за миской для теста.

Со стороны обеденного стола раздался странный звон. Не разгибаясь, Айше повернула голову. На зеркальном подносе танцевал набор маленьких кофейных ложечек. Они подскакивали одна за другой, стараясь преодолеть резную изгородь и выбраться на стол. Зрелище настолько заворожило женщину, что та не сразу заметила танец других предметов.

На кухню вбежала Айда и прижалась к матери.

Не решаясь подняться Айше с тревогой взирала на раскачивающуюся люстру, дрожащие предметы и разрастающиеся черные разломы на белой штукатурке. Мгновение ока и высокий холодильник, не устояв, рухнул вниз. Уперевшись в столешницу, теперь он стал убежищем для испуганной Айды.

– Сиди, сиди тут! Я только открою дверь и посмотрю, где Сэма!

– Аннэээ*, – простонала малышка, – не уходи!

– Сиди здесь, я сейчас...

Айше разжала кулачок Айды, и перебравшись через холодильник, выбежала из кухни.

– Сэма! Сэма! – раздалось из коридора.

Где-то наверху нарастал мощный гул. Что-то огромное сокрушалось, неумолимо приближаясь к Айде. Сильный толчок обрушил стену, за которой несколько секунд назад скрылась Айше.

Девочка с надеждой посмотрела в сторону все еще светлеющего окна, когда стекло издало треск и лопнуло. Айда закрыла лицо руками, ощутив, как пол сплошным пластом начал движение. Стиральную машину потянуло вниз, холодильник, прижатый тяжестью, следовал по наклонной. Резкий удар, оглушающий грохот и снова движение – куда-то в бок, в неизвестность. Бетонную плиту, на которой сидела девочка, сорвало в очередной раз, и наступила полная темнота. Воздух заполнила пыль. Айда закашлялась, осознав, что теперь лежит.

Наступила полная темнота. Наверху еще долго гроыхало, а вокруг стали различимы крики людей.

Айда тоже попыталась кричать, но легкие наполнились пылью, и вместо крика она снова закашлялась. Девочка решила пошевелиться, но не смогла – ноги плотно засыпало измельченным бетоном. Вскоре все звуки смешались в один бесконечный плач. Где-то пищал котенок, наверху плакал младенец, а остальные молили о спасении.

– Аннэ? – почти беззвучно прошептала Айда. – Аннэ?

Никто не отвечал.

(Восемь часов после обвала)

Айда открыла глаза. Темнота не прояснилась, но звуков стало гораздо меньше. Истошные крики о помощи сменились мольбой к Аллаху и тихим стоном.

Девочка постаралась ощупать пространство. Сначала ее пальчики различили песок, затем шершавый бетон. Она дотронулась до груди, обнаружив в пыли знакомые фигурки – магнитики, что упали с холодильника. Голубой глаз из стекла – почти ровный диск, увенчанный ленточкой и бусинами. Рядом деревянная буква «А» – первая в имени Айда. Девочка ничего не видела, но ее воображение воспроизводило с потрясающей точностью ярко-синюю деревяшку с желтыми звездами. А еще изогнутая «S» – это была буква Сэмы. Красная в белый горошек. Вот лавандовый букет поверх мешочка с сушеными цветами. Айда поднесла магнитик к носу – запахи притупились, но лаванда все еще пахла. Так часто пахла ее мать, Айше, нанося на руки пахучую колонию.

– Аннэ, – позвала Айда, – аннэ!

Страх раздирал маленькое сердце. – Аннээээ, – по пыльным щекам потекли тонкие ручьи слез. – Аннэ, аннээээ, – рыдал ребенок.

– Айда! Айда, я здесь, – раздалось из темноты. – Дочка, ты меня слышишь?

– Слышу, – мгновенно успокоилась Айда.

– Нас найдут, ты главное не бойся, хорошо?

– Хорошо, – повторила девочка. – А где Сэма?

– Сэма... Сэма, она ушла...

– Куда?

– Дедушка Хахиль пришел и забрал, – пояснила Айше.

Айда помнила, как еще весной ее мать, тетя и бабушка заперлись в комнате и оплакивали дедушку Хахилия.

Все произошло под утро, когда бабушка Ферузан, причитая, вышла из опочивальни, чтоб позвать старика спать. Халиль спокойно сидел в любимом кресле, его глаза устремились в телевизор с монотонной рябью. Он не моргал и как выяснилось минутой позже – уже несколько часов не дышал. Его тело придали земле тем же вечером. А после три дня оплакивали и молились в родительском доме Айше. На плите, согреваемый малым огнем, неустанно кипел чай-данлык. Каждый день соседи приносили бёрек и печенье, чтоб не отрывать семью от молитв. Приезжали даже такие далекие родственники, которых Айда никогда не видела, а Сэма с трудом помнила. Приехала сестра Халиля – грузная женщина с тростью. Трое мужчин поднимали ее по крутой мраморной лестнице старого дома. Айше все приговаривала: «второй нам смерти не хватает, зачем она приперлась, прости Аллах, приехала?»

Мучаясь отдышкой, женщина окинула свирепым взглядом родственников. Самая засидевшаяся на этом свете и самая ворчливая из всех. Семейство смиренно окружило старуху и, по очереди подлетая к Фатиме, целовали ее руку, а после прислоняли перстни ко лбу. Вскоре то же самое проделала Сэма, а за сестрой мать подтолкнула малышку. Айда оторопела. Сросшиеся брови, нависшие складками морщины, черные, словно угли, глаза и ровная линия усов придавали Фатиме устрашающий вид. Она вопрошающе уставилась на девочку, протянув огромную руку в золотых кольцах.

– Айда, целуй! – шептала мать.

Но Айда не могла отвести от бабки взгляд. А та в свою очередь не сводила взгляда с Айды.

– От кого ты ее родила? – осклившись, закрипела старуха.

– Фатима! – испуганно отозвалась Ферузан.

– Да вы посмотрите на себя, – та грозно обвела родню пальцем. – Она словно цыпленок среди гусей. Так от какого петуха ты родила ее, Айше?

– Фатима, прошу, – шептала Ферузан.

Никто, кроме нее не имел права перечить старейшей из рода.

Айда так и не коснулась старческой руки. Убежав, она спряталась в старом дубовом шкафу.

– Не злись на нее, – раздался голос из-за вешалок с одеждой покойного.

– Я не злюсь, – отозвалась девочка.

– Она всю жизнь такая, и надежды было не много, что перед смертью исправится, – спокойно заявил мужской голос.

– Перед смертью? – спросила Айда.

– Вот уже скоро уйдет Фатима. И приведи Аллах к ней столько же родственников и друзей, что пришло сейчас ко мне.

– А когда она уйдет? – снова спрашивала Айда, намереваясь прикинуть, сколько еще ей осталось сидеть в шкафу.

– Как Сэма в школу перестанет ходить, так через день...

В середине июня Сэма принесла неплохой аттестат, а на следующий день за семьей приехал миниавтобус и отвез в пригород Измира, Менемен. Там скончалась сестра Халиля – Фатима.

– Аннэ, а дедушка разве не умер?

Айда помнила разговор в шкафу и все еще не до конца понимала, куда после смерти уходят люди, и почему они все же иногда возвращаются.

– Люди, дочка, не умирают. Они просто отправляются в другой мир.

– Какой мир? Сказочный?

– Да, сказочный. В сказочный мир к Аллаху.

– Аннэ, я хочу пить, – жалобно протянула Айда.

– Дочка, позади тебя шланг от стиральной машины. Ты должна просунуть руку в узкую щель и ухватиться за него.

– Но как ты видишь? Здесь ведь так темно...

– Я могу видеть отсюда. Совсем чуть-чуть, но могу. Давай же, тянись к шлангу, дочка...

Айда нащупала круглую дверцу, затем боковую стенку машинки и дотянулась до холодного рифленого шланга. На мгновение ей показалось, что это змея и малышка одернула руку.

– Не бойся! – тут же подбодрила Айше. – Тяни его к себе, там осталась вода.

Девочка вновь сунула руку в узкий лаз и ухватилась ручонкой за трубку. Она подтянула его к губам и высосала немало жидкости.

– Не налегай, дочка, на сейчас хватит, – предупредила Айше. – Пей мелкими глотками, не торопись насытиться.

– Аннэ, я хочу сесть!

– Сесть пока что не получится. Ты полежи еще немного... Хочешь я спою тебе песню?

– Хочу...

Девочка закрыла глаза, а вскоре зазвучал приятный голос матери:

Данди-данди, мой мальши-дандини

С маленькими ручками, крашенными хной.

Ничего на свете ты не бойся,

Твоя мама и Аллах всегда с тобой.

Данди-данди, мой мальши-дандини,

В святой байрам взошла прекрасная луна...

Не бойся боли, и страданий ты не бойся,

Ты знай, с тобой господь, дандини не одна...

Где-то с монотонным звуком капала вода. Пахло сыростью, из узкого лаза несло канализацией.

– Аннэ? – позвала Айда.

– Я здесь, с тобой... – внезапно появился тонкий аромат кофе.

Так часто пахла мама. У Айше была своя кружечка под этот напиток – очень маленькая, почти игрушечная, с тонкой росписью из синего व्यонка с золотом. Каждый раз, выпивая свой кофе, Айше нашептывала вопрос и переворачивала кружку вверх дном, а потом подолгу всматривалась в причудливые узоры застывшей жижи.

Однажды пока Хакан, отец Айды, работал, в дом пришли подруги Айше. Они принесли много сладостей, сухофруктов и большу упаковку турецкого кофе. Посреди бела дня женщины наглухо опустили панжур*, включили приглушенный свет и уселись в вокруг чайного столика. Вскоре раздался звонок в дверь, все четверо подскочили с мест.

– Сиди здесь тихо! – строго наказала Айше, всучив Айде шоколадный батончик.

В дом вошла странная особа. Ее руки украшала теракотовая роспись хны, запястья громоздкие браслеты из разноцветных камней, а шею амулеты на шнурах различной длины. Черной тенью она прошла по комнате и заявила, что место ей подходит. Женщины смиренно звкивали, проводив гадалку на кухню. Та собственноручно заварила кофе, разлила по чашкам и приказала пить в полной тишине. Каждая думала о своем, задавая жиже насущные вопросы. Чашки по щелчку перевернулись, и турчанки, с облегчением, заговорили. Однако, спустя всего пять минут им снова пришлось замолчать. Теперь они внимали каждому слову ворожеи.

– Он изменяет тебе, – уверенно заявила фалджы*, когда очередь, наконец, дошла до хозяйки дома.

На глазах Айше появились слезы.

– Такого быть не может, – стойко произнесла она.

– Ты мне не веришь? – в интонации гостьи скользнуло возмущение.

Все верили, никто не смел усомниться в обратном.

– Я спрашивала, он клянется Аллахом...

– Кто клянется Аллахом, тот побоится поклясться детьми, – отрезала та. – Он изменяет.

Уйдет к той женщине в конце осени и дочку твою заберет.

– Сэму? – Айше всплеснула руками.

– Вот эту... – гадалка махнула головой на Айду.

– Нет, нет... Это просто не может быть правдой...

– Я никогда не ошибаюсь, Айше Ханим!

Колдунья сверлила хозяйку дома свинцовым взглядом.

– Мне все равно, что говорят люди. В узорах моей кружки ты ошиблась. Возьми деньги и уходи, я не желаю больше слушать твое предсказание.

Та опустила на стол маленькую кружку в синий выюнок и пренебрежительно смахнула ее смуглой рукой. Любимая чашка Айше ударилась о пол и разлетелась вдребезги. Женщины ахнули.

К вечеру мать Айды слегла. Она мучилась сильной головной болью, и, что бы ни съела, все выходило обратно кофейными потоками.

– Ты верно чем-то отравилась, – твердил Хакан, потирая руку жены.

– Сознайся, ты мне изменяешь?

– С чего ты взяла? – он повысил тон. – Не буду повторять, ибо Аллах не любит, чтобы его именем

клялись дважды.

– Тогда поклянись именем одной из дочек, – Айше держала мужа взглядом.

– Сэмы?

– К примеру, Айды...

– Ты лучше мне скажи, кто был сегодня в этом доме?

Он резко встал с кровати и приблизился к окну.

– Подруг на кофе позвола...

– И больше никого?

Его глаза налились кровью. Такому мужу лучше не перечить, но а когда перечить, если Хакан всегда такой.

– Картал, пойдем! – Ахмет поставил на стол пустую бутылку айрана.

– Одну минуту...

Картал – работник спасательной бригады смотрел в пол отсутствующим взглядом.

– Если устал, я позову Кемаля! – Ахмет надел рабочие перчатки.

– Я не устал, – Картал шмыгнул носом и утерся рукавом в строительной пыли.

– Эй, брат, – Ахмет подошел ближе, – поплачем все вместе в мечети, когда работа закончится.

– Надеюсь те, кто построил этот мазар, тоже придет с нами оплакать за всех этих людей...

Ахмет тяжело вздохнул, подозвал пса и направился в сторону развалин.

– Я иду, – бросил в след Картал, поднял лицо к небу и что-то тихо произнес.

Он устал. Вымотался морально. Последние десять часов только трупы. Одни трупы. Больше никого не осталось. Бригаде некого спасать. Он трое суток без сна. А если вздремнет на пару часов – перед глазами все те же трупы.

Эту землю часто трясет, но такого не было с 99-го. Еще неделю назад он доставал котенка из канализации и думал, как хорошо, что все меньше приходится спасать людей. Жизнь посте-

пенно налаживается, Аллах бережет эту землю, бережет всех и каждого. То рыбаков отнесет течением, то нерадивый пьянчуга заблудиться в лесу. Что не вызов, то анекдот. Но в один из дней все изменилось.

Тектонические процессы в Турции не закончились, здесь все еще идет формирование Малоазиатского полуострова. Трясет тут часто, и раз в десятилетие случается такое, что запоминается надолго.

Вчера, когда Картал умылся после двадцати часовой работы, его виски так и остались белыми – трофеем, который он навсегда унесет с собой из этого места.

В пятницу, 30-го октября в 14:51 по местному времени в Эгейском море близ Измира произошло землетрясение амплитудой семь баллов по шкале Рихтера. Толчки ощущались всего 15 секунд, но разрушения унесли жизни больше сотни человек. Около двадцати построек частично разрушились, но один многоэтажный дом рухнул до основания. Он за секунды сложился, словно картонный домик, превратившись в братскую могилу.

Картал вышел к месту расчистки, что представляет собой груду мусора из цемента, пыльных досок, мебели и бытовых приборов. 90 часов работы – там не осталось живых. Последний осмотр перед тем, как за дело возьмется тяжелая техника. Картал поднялся по доскам и взглянул на большой обломок стены. Он спустил ногу в узкую щель и двумя руками взялся за водопроводную трубу. Из трубы раздался крик. Картал замер, не веря ушам. С опаской потащив за трубу, он снова услышал детский голос.

– Тут живые! – он замахал руками. – Скорее сюда!

Час работы. Они разбирали завал камень за камнем. Вскоре в пыли показалось маленькое личико Айды. Картал все еще не верил. Его глаза заволокли слезы. Нет, не мужские скупые, а самые настоящие потоки счастья.

Спасатель аккуратно ступил вниз и припал к ребенку. Он плакал, целуя ее щеки.

– Как тебя зовут? – вопрошал он.

– Меня зовут Айда и я в порядке, – бодро ответила девочка.

– Слава Аллаху, слава Аллаху...

Картал постарался встать, но Айда обхватила его плечи.

– Все хорошо, все хорошо, я с тобой, – всхлипывал Картал.

Айда не плакала. Ее вытащили и положили на носилки. Первый осмотр в машине медицинской помощи выявил – на Айде не было ни единой царапины.

– Что-нибудь болит? – спросила врач.

– Нет, но я хочу воды и айрана.

Она все еще крепко сжимала руку Картала.

– Вот тебе вода, а с айраном подождем до больницы, – улыбалась доктор.

– Вы достали мою маму? – внезапно спросила Айда.

У открытых дверей машины стояла бригада. Картал лишь недоумевающе взглянул в лица мужчин.

– Мы свяжемся с твоей семьей, не волнуйся! – произнес Ахмет. – Они скоро к тебе приедут.

– Нет, нет, там моя мама! Она со мной говорила! – не унималась девочка.

Картал почувствовал как приподнялись волосы на его затылке. Бригада сорвалась с места, спешно натягивая рабочие перчатки.

– Айда, ты уверена, что с тобой говорили? – осторожно спросил Картал.

– Моя мама, она все это время говорила со мной. Она пела мне песни, рассказывала истории, а потом сказала: «кричи Айда, сейчас что есть сил кричи, дочка!» И я кричала. А потом меня нашли.

– У нее нет обезвоживания, – прошептала на ухо Карталу доктор. – Спроси ее, откуда она пила...

– Айда, ты что-нибудь ела? Пила?

– Я пила воду из стиральной машины, мне мама показала как...

Доктор Айлин зажала ладонью рот, отвернулась и заплакала.

– Картал! – окликнул спасателя Ахмет.

Напарник ничего не произнес, но его глаза сообщали: «живых больше не осталось».

(3 часа спустя)

– Ферузан Ханым*, Айше достали, – Картал встал перед женщиной на колени. – И Сэма и она... Они обе скончались на месте.

Женщина громко всхлипнула, закрыв лицо руками с насквозь промокшим платком.

– Но Айда... Она все время твердит, что с ней была мать...

– Наверняка была, – тяжело вздохнул Картал.

Ферузан обняла спасателя.

– Спасибо, сынок, спасибо... Хочешь повидать ее?

Картал сдержанно кивнул.

– Идем, идем... – Ферузан сжала его руку и потянула в палату.

На кровати сидела Айда. Она безотрывно смотрела в небольшой телевизор, что висел под потолком. Шел ее любимый мультфильм.

– Айда? – тихо произнес Картал.

– Картал! – весело воскликнула она и потянула к спасателю руки.

Они обнялись. Мужчина снова заплакал. Айда улыбалась. Она смотрела на дверь, у которой стояли прозрачные фигуры матери, сестры и дедушки Халиля.

Бэй – уважительное обращение к мужчинам

Абла – старшая сестра

Семитжи – продавец традиционного турецкого бублика под названием семит

*турецкая пословица

*турецкая пословица

Алла-алла – восклицание, обозначающее возмущение, порицание

Аннэ – по-турецки мама

Панжур – популярные в Турции автоматические ставни-жалюзи с внешней стороны окна

Фалджи – гадалка

Ханым – уважительное обращение к женщинам

Шизофрения

– Шагнув туда, ты никогда не вернешься обратно, – произнесла тетя Маша.

Ее большие синие глаза показались не на шутку встревоженными.

– Не улыбайся, мальчик, сойти с ума – это поистине страшно. Более того, ты никогда не поймешь, что это уже произошло с тобой. В этом и заключается все коварство сумасшествия. Люди вокруг будут казаться странными, в их поступках не найдется логики, их поведению не будет оправдания, но на самом деле именно ты окажешься сумасшедшим.

– Да нет, я верю. Просто вы так говорите, будто это хуже смерти, – обронил я.

– Антон, потерять себя намного хуже смерти. Почему, ты думаешь, клиника, подобно тюрьме, в решетках? Сумасшедшие не могут убежать через окно пятого этажа, но могут из него выпрыгнуть, потому как более не в состоянии жить в мире, который они не способны разделить с родными и близкими. Их реальность отличается от реальности общества, и переступить обратно этот порог они уже не могут.

Мамина родная сестра тетя Маша – невероятно приятная и красивая от природы женщина. Но работа врачом в психиатрической клинике сильно отличала ее от других симпатичных женщин сорока лет. Ко всему у нее не было ни семьи, ни бойфренда, хотя не знаю, применим ли этот термин к людям средних лет. Помимо сверхэмоциональности, помехой на пути к счастью могли служить истории из больничной практики. Ее рассказы о пациентах порой выходили за рамки уместного, и отец, закрывая за тетей Машей входную дверь, каждый раз подшучивал – хороший работник пропитывается своим ремеслом насквозь.

– Антон, они действительно видят бесов, понимаешь?!

Я ошпарил палец, наливая ей чай.

– Но ведь бесов не существует, – тщетно выводя диалог в русло разумного, я сел рядом и подул на горячий напиток.

– Откуда нам знать, что существует, а что нет, – тетя Маша последовала моему примеру. – Мы выписывали одну пациентку, что слышала голоса в голове. По сути, шизофрения не лечится, но залечить ее на время можно. Голоса затихают. От злостных приказов они переходят к тихому шепоту, который уже вполне можно контролировать. И это все, что мы можем сделать для больных шизофренией. В редких случаях они способны договориться с голосами. И лично я знаю всего пару больных, которым удалось прогнать шепот навсегда.

Моя тетя отпила ароматный чай и начала рассказ...

«Она сидела в моем кабинете на выписку. Ее жилистые руки перебирали стежки по краю пижамы, а глаза спокойно смотрели в заключение.

– Как ваши голоса? Вы же, бывает, еще говорите с ними? – спросила я, пытливо взирая исподлобья.

– Не буду сочинять, Мария Павловна, я все еще их слышу, – тихо произнесла пациентка.

– Так как же мы будем вас выписывать? – я демонстративно положила шариковую ручку на стол.

– Я научилась с ними договариваться, – быстро и четко ответила она, – хотя, склоняюсь, будет неуместным называть один голос множеством.

– Лукреция, что вы хотите этим сказать?

– Раньше их было пять, сейчас остался один, – протараторила девушка, избегая зрительного контакта.

– Это неоспоримый прогресс, – я не скрывала радость. – Но нас интересует, не остался ли самый агрессивный из всех. Вы же понимаете?

– Несомненно. И я с уверенностью могу сказать, что остался самый разумный и логичный.

– Как же это проявляется? – сощурилась я.

– Ему не нравится сидеть взаперти, и мы договорились вести беседы поздней ночью. Днем же он не появляется вовсе, – голос Лукреции дрогнул, выдавая волнение.

– О чем же вы беседуете... поздней ночью, если не секрет? – не меняя тон я расспрашивала Лукрецию. Ее зрачки более не бегали. И даже учитывая, что она не могла переносить мой взгляд дольше нескольких секунд, Лукреция вполне могла концентрироваться на ровных стежках, репродукции Босха на стене справа и узоре ковра.

– О жизни и смерти, о добре и зле, о вечных человеческих ценностях.

– Правда? – я не смогла скрыть удивления. – Кто говорит больше в ваших ночных диалогах?

Было видно – Лукреция сильно замешкалась с ответом. Но вскоре довольно рассудительно заявила:

– Я, я говорю больше. Но когда я прошу его рассказать мне что-то, он говорит достаточно много, рассказывая удивительные истории.

– О чем эти истории? – захлопнув папку с историей болезни, поинтересовалась я, уже практически уверенная в выписке. Мы не можем держать всех шизофреников, их слишком много. Поэтому пациенты с вялотекущей шизофренией по желанию родственников может покинуть больницу. Нам всегда кажется, что сумасшедшие в первую очередь опасны для общества, но этот не так. Чаше они наносят вред себе и намного реже другим.

– Это истории человечества, – Лукреция задержала свои чайные глаза на моем врачебном халате дольше обычного.

– Простите?

– Рассказы из истории народов. О войнах, о предательстве, смерти, насилии... Об ужасах прошлого.

Я снова открыла бледно-сиреневую папку. Родители историки. Оба доценты исторического факультета.

– И что вы чувствуете, слушая эти рассказы? Они вас удручают? Злят, возможно, оскорбляют?

– Они не вызывают во мне ничего из всего вами перечисленного. Я историк, как и мои родители, и мне важно знать правду. Поэтому я просто записываю.

Это походило на правду.

– Можно я взгляну в ваши записи?

Моя пациентка наблюдалась у другого врача, и только пару месяцев назад была переведена ко мне. Хрупкая женщина вытащила из матерчатой сумки стопку общих тетрадей. Почерк первой из них выглядел довольно округло, что вселяло надежду. Буквы правильно наклонялись вправо, практически не имея острых углов. Общее полотно письма совсем не резало глаз, если бы не отсутствие разделения на предложения. Я не нашла в тексте ни одной точки, а соответственно ни одной заглавной буквы кроме имен. Самым частым знаком препинания являлось тире. Оно приходило на помощь в любой попытке завершить мысль и разделить структуры. Было понятно, что Лукреция хорошо училась в школе и много писала в своей жизни. Остальные странности являлись довольно естественным для человека больного шизофренией, ведь дословно болезнь переводится как расщепление сознания. Именно поэтому больной тщетно пытается соединить все воедино, избегая использование разделительных знаков. В борьбе не потерять целостность восприятия мозг больного может даже объединять несколько слов в одно невероятно длинное. Глаза словили несколько одиночных предлогов, соединенных в слова, но и это было для моей пациентки более чем нормально. В общей сложности это был текст больного, не имеющего склонности к агрессии и насилию, что, собственно, я и пыталась для себя прояснить.

Вдруг в самом низу в середине слова проскочила латинская «t». Перелистнув страничку, я с удивлением теперь наблюдала ее все чаще. Она множилась, а слова с включением иностранной буквы выделялись более размашистым импульсивным письмом.

– Здесь есть тетради, когда с вами говорили все пятеро? – поинтересовалась я.

Мне было важно определить разницу ее внутреннего состояния между «тогда» и «сегодня». Когда хрупкую Лукрецию впервые привезли к нам, она меняла голоса и угрожала расправой всему персоналу. Девушка бесконечно спорила и противоречила сама себе. Закрывая уши, она кричала, чтобы все четверо говорили по очереди и не гневили пятого. Часом ранее она напала на своего отца с ножом, обвиняя его в лжесловии. А часом позже Лукрецию заперли в клинике на полгода. Однако уже два месяца пациентка не проявляла признаков агрессии, вела себя вменяемо и говорила только от своего имени.

– Вот эта, бордовая. Там немного напутано, надо будет заново переписать. Они кричали, перебивая друг друга, – застенчиво обронила пациентка и, выложив передо мной вишневую тетрадь с помятыми краями, села в прежнюю позу.

Моя правая рука дрогнула. Уже привычная глазу кириллица без заглавных букв и знаков препинания теперь кишела буквами из различных языковых групп. Тут были и «о», увенчанное двоеточием, и «с» с волнистым хвостиком внизу, а так же «а», коронованная галочкой. Реже встречались иероглифы и клинопись.

– Вы уверены, что сможете расшифровать этот текст без посторонней помощи? – смутилась я.

– Конечно, я же историк! – натянуто улыбнулась Лукреция.

Что ж, на мой взгляд, прогресс был налицо, и за шесть месяцев лечения у нас душевнобольная, судя по всему, смогла договориться с собой. Я поставила дату и подпись на выписке.

Нажав одну из кнопок под столом, я вызвала санитаров проводить ее. Вскоре дверь открылась, и высокий парень прошел к столу. В коридоре замелькала белесая голова – там ожидал следующий пациент. Проходя мимо, Лукреция на секунду взглянула в его глаза и тут же потупила взор, плотно прижав к груди сумку, полную уникальных знаний.

– Она, она... Нет, вы видели? – вскрикнул немолодой мужчина. Его привели в смиренной рубашке, из которой он принялся вырываться, как только они поравнялись в дверях. Пациент плюнул вслед уходящей Лукреции и уже в следующее мгновение запричитал монотонную молитву, разбрызгивая слюну вокруг рта.

Седые взъерошенные волосы невероятно его старили, хотя в истории болезни значилось каких-то тридцать шесть лет.

– Развяжите меня! – почти приказал он.

– Прошу вас, присядьте, – игнорируя его просьбу, я указала Станиславу на стул.

– Тогда вытрите мне бороду, – взирая на санитаров, он попросил уже более спокойным тоном.

Крепкий парень снял с шеи полотенце и вытер больному лицо.

– Только не говорите, что вы ее выписали?! – пациент резал взглядом.

– А что вас удивляет? Она, между прочим, уже давно ведет себя намного спокойнее вас! – словно разговаривая с маленьким ребенком, я погрозила Станиславу пальцем.

– Вы что, вправду не видели?

– Что именно?

– Как исказилось ее лицо?! – неподдельно нахмурилась она.

– Нет, мы ничего не видели, но вы нам можете рассказать. Возможно, в следующий раз мы будем более внимательны к мелочам.

– Простофили! – мужчина с надрывом выдохнул в сторону. – Как можно быть настолько слепой?

– Если продолжите без оскорблений, я буду вам крайне признательна...

– Да в ней же демон сидит! Вы чего, люди?! Ее привязать к кровати надо и вызвать батюшку, а не выписывать...

Станислав поседел не зря. Он постоянно видел одержимых бесами людей и, будучи на свободе, даже пытался их изгонять. Когда его доставили в клинику, при нем были бутылки со святой водой, огромный серебряный крест и изображения различных святых. Он смог бы найти в наших стенах мир, вдали от шумных улиц и греховных падений. Однако оказалось, что, по его мнению, практически все душевнобольные одержимы нечистыми, и его нахождение среди бесноватых было самым неудачным (из всех возможных) стечением обстоятельств.

Посреди ночи раздался звонок.

– Доброй ночи, Мария Павловна, Лукреция Дмитриевна Шульц ваша пациентка?

– Да, что-то произошло?

– Ее родители. Сорок восемь ножевых ранений, оба скончались на месте.

У меня похолодели руки.

– Номер отделения, я еду...

На четыре было назначено собрание. Оно не определяло судьбу Лукреции, ей вряд ли теперь светило покинуть стены больницы. Но оно определяло мою судьбу как практикующего врача-психиатра. Я не боялась потерять работу, но я изо всех сил пыталась понять, как такое могло произойти. Как вялотекущая шизофрения спустя всего неделю могла превратиться в параноидную. Как Лукреция могла нарушить все допустимые границы разумного и зарезать своих собственных родителей посреди ночи, пока те мирно спали. Затем она позвонила в полицию и чистосердечно призналась, рыдая в трубку и задыхаясь от горя.

– Мария Павловна, вы готовы? Из министерства будут через 10 минут. Следователь уже приехал, – сообщила ассистент.

– Я хочу, чтоб на собрании присутствовал Станислав, мой пациент, – произнесла я напряженно потирая лоб.

– Но если он опять будет...

– Если будет опять, то уведем, – перебила я. Та закивала головой и оставила мою дверь приоткрытой.

Перед глазами стоял вчерашний вечер. Я шла по тусклому коридору, наполовину выкрашенному в неприятный зеленый цвет. Нутро не покидало ощущение, что из высоких больничных окон за мной кто-то непрестанно следит. И даже крепкие решетки не в состоянии остановить этот невидимый пристальный взгляд. Он мог проникнуть куда хотел. В любое помещение, в любой уголок земли и в любую голову... В любую душу. Мне стало не по себе. Я ускорила шаг. Была ли я верующей или атеисткой? Работая здесь, мне приходилось быть и той и другой. В медицине намного больше необъяснимого, чем непосвященный человек может себе представить. Начиная от чудесных излечений силой убеждения, заканчивая моментальным облегчением тела на двадцать один грамм, когда мозг умирает. Так вот, в психиатрии странностей гораздо больше, чем во всех медицинских отраслях вместе взятых. Больной душе невозможно дать таблетку. Точнее дать таблетку можно, но не стоит надеяться, что препарат фармакологической промышленности проникнет в самую душу и излечит ее.

Тяжелые замки отворились, и я прошла в узкую палату. Поняв по мускулатуре лица, что Станислав притворяется спящим, я прошагала в конец комнаты и опустилась на одинокий стул. Глубокий вздох просигнализировал пациенту о моем желании начать разговор.

– Не страшно одной в изолятор? – Станислав не спешил открывать веки.

– Если б я видела бесов, мне меньше всего хотелось бы делить с ними одну палату. Если б вы не вели себя буйно по отношению к другим пациентам, то были б сейчас в общей. Ну а если б не пытались изгонять из людей нечисть, ходили б на свободе.

– Кто, если не я? Вы же настолько слепы, что ничего не видите.

– Вы правы, я не вижу их лиц, но я вижу их труды. И мне приходится с этим жить.

Он приподнялся на кровати.

– Ваша пациентка кого-то убила?

– Вам не составило труда догадаться исходя из моих слов или того, что вы в ней увидели?

– Назовем это интуицией, – улыбнулся Станислав. Довольно приятно улыбнулся.

А мне, как никогда, захотелось послушать подробности этого видения, и я инстинктивно постаралась придвинуть к Станиславу привинченный к стене стул. Он усмехнулся, я расплылась в улыбке, и напряжение между нами заметно спало. Невысокий и крепкий мужчина в серой пижаме сел на кровати и прислонился к стене. Теперь я видела его исключительно в профиль не имея возможности словить всех физиогномических изменений, если пациент намеревался соврать. Но отчего-то мне не особо хотелось копаться. Работая с ним без малого две недели, я еще ни разу не поймала Станислава на лжи – он искренне верил всему, что видел. Возможно, именно по этой причине в расцвет сил он сидел в одиночке психбольницы, седой словно старик.

– Если в человеке бес, то, сосредоточившись на точке между бровями, можно узреть лик подселенца. Он появляется как наложение полупрозрачного снимка на человеческое лицо. Если в несчастном несколько бесов, то они сменяют свои облики – их жуткие лица меняются как слайды.

– И я могу их увидеть?

– Да, можете! Тем более вы уже поверили в их существование.

– Но у вас не было времени сосредоточиться на Лукреции. Несколько секунд в дверном проеме... Неужели хватило?

– Вы правы. Я их вижу по-другому. Для моего взора демоны искажают человеческий взгляд, говоря мне то, чего не говорят другим. Они чувствуют меня, знают, что я их вижу, потому не прячутся вовсе. Эта хрупкая девушка, она... – он на несколько секунд замолчал, словно припоминая момент их встречи.

Я раздосадованно улыбнулась и опустила голову. Внезапно мой разум восторжествовал, и я перестала верить этой театральной попытке вспомнить Лукрецию. Он непременно должен был ее помнить, где еще этот чудаков мог видеть обилие бесноватых, сидя один в четырех стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.